

© 2010 г.

Р.Х. СИМОНЯН

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Крушение коммунистических режимов ознаменовало начало трансформационных процессов перехода от планово-распределительной экономики к открытой и свободной рыночной, перехода от тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим. В Европе этот путь проделали все страны социалистического лагеря. Это был естественный и ожидаемый результат общественной трансформации.

Руководители стран Центральной и Восточной Европы, пришедшие к власти на волне демократических движений 1989–1991 гг., в процессе системной трансформации поставили основной задачей перехода к западной модели общественного развития – демократии и рынку. Идея достижения соответствующих стандартов свободы и процветания преобладала в сознании, как населения, так и руководителей этих государств.

Руководители новой России, как и руководители всех постсоциалистических стран Европы, в начале 1990-х годов так же провозгласили в качестве цели общественных преобразований построение демократического государства со свободной рыночной экономикой, что соответствовало и надеждам населения России. Экономические преобразования российских реформаторов начались с приватизации. Распределение государственной собственности – стержень экономических преобразований 1990-х годов в постсоветских государствах. Возникшая и ставшая доминирующей в народном хозяйстве, частная собственность и, высвобожденная из жестких тоталитарных оков, частная инициатива во всех постсоциалистических странах Европы послужила мощным импульсом для политического и социально-экономического развития этих стран. К сожалению, в России этого не произошло.

Почему же в России итоги приватизации оказались, по словам академика О.Т. Богомолова, “столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, в том числе и постсоциалистических, так и азиатских”?¹ В контексте оценки роли 1990-х годов в нынешнем состоянии России этот ключевой не только в политическом и социально-экономическом, но и нравственно-этическом плане вопрос следует рассмотреть подробнее. Особенно важен именно последний аспект. Если исключить нравственно-этический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском “черном вторник” 1994 г., и о дефолте 1998 г., да и вообще об экономической реформации России 1990-х годов.

В России реформаторы поставили своей целью провести приватизацию в максимально короткие сроки. Сами они не без кокетства называли свои реформы “пожарны-

---

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

¹ *Богомолов О.* ИМЭПИ в драматических событиях последних десятилетий. – Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001, с. 9.

ми”, а себя сочувственно “командой смертников”, “камикадзе”, определив, таким образом, в массовом сознании россиян свою роль как жертв, осуществляющих высокую, на грани подвига, функцию “спасения нации”. Н.И. Щербинина справедливо замечает по этому поводу, что «советская политическая культура продемонстрировала в этом эпизоде свой традиционный фарисейский ритуал “подмены статуса”, когда декларируемые “лишения” верхов воплощаются в символических “жизнях страдальцев за народное дело”»². Предметом их особой гордости за проявленную смелость является отпуск цен, произведённый с начала 1992 г. (без каких-либо компенсаций³), хотя отпуск цен является избучным актом при упразднении административно-плановой экономики. Все без исключения постсоциалистические страны Европы на старте реформ освободили от 70 до 85% цен. В российских масс-медиа отпуск цен преподносился как “смелость” реформаторов, которые “не побоялись взять на себя ответственность”. В последующие годы тема “смелости за взятие на себя ответственности” стала сквозной в апологетике реформ, ею вскоре предусмотрительно заменили тему “жертв” и “камикадзе”. Но в постсоциалистических странах Европы отпуск цен проводился постепенно (например, в Польше это происходило практически на протяжении всех 1980-х годов), смягчая соответствующими компенсаторными механизмами денежные потери населения, в первую очередь, его малообеспеченных слоев⁴. Свободные цены и, соответственно, прощание с дефицитом товаров первой необходимости – закономерность ликвидации планово-распределительной экономики. Рутинное мероприятие, не требующее героических усилий. Этот естественный процесс должен был произойти и произошел независимо от того, как звучит фамилия главы государства – Ельцин или Назарбаев, Гавел или Бразаускас, Тер-Петросян или Валенса, Шушкевич или Алиев. Действительно, в январе 1992 г. витрины магазинов России наполнились товарами. Точно так же, как и витрины магазинов во всех постсоциалистических и постсоветских странах после отпуска цен.

Соблазн героизировать нормальное, единственно возможное поведение свойственно человеку, принимающему важное политическое решение. Так, все те премьер-министры стран Балтии, которые в начале 1990-х годов подписали заявку на вступление своих стран в ЕС, что было целью этих государств с момента выхода их из СССР, если и не чувствуют себя героями, то, по меньшей мере, испытывают огромную гордость за то, что именно они подписали этот исторический документ. Хотя от них лично ничего не зависело, любой другой на их месте сделал бы то же самое.

Но в начальный момент проведения реформ тезис о героике первого либерального правительства новой России казался убедительным для значительной части российского общества, и, прежде всего, для интеллигенции. Ожидания давно назревших кардинальных перемен были настолько велики, что даже изъятие денежных сбережений населения России без каких-либо компенсаций, произошедшее в результате отпуска цен в 1992 г., не вызвало в обществе серьёзного протеста. Хотя начинать либеральные реформы с грабежа собственного народа (а ведь вклады – это важный элемент частной собственности) – действие очень далёкое от либеральных ценностей. Люди, пришедшие к власти в 1991 г. и заявившие о “священной и неприкосновенной частной собственности”, начали с того, что отобрали у граждан эту самую собственность⁵.

---

² Щербинина Н.И. Архаика в российской политической культуре. – Политические исследования, 1997, № 5, с. 135.

³ Даже советские руководители, проводя денежные реформы 1947 и 1956 гг., обеспечили компенсацию потерь для наименее состоятельных вкладчиков. Российские младореформаторы превосходили в большевизме и И.В. Сталина, и Н.С. Хрущева.

⁴ См. Уроки социально-экономических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы. Под ред. О.Т. Богомолова. М., 1996.

⁵ В сентябре 2003 г. Страсбургский суд по правам человека признал на международном уровне законность требований российских граждан на полное восстановление дореформенных вкладов и обязал российское правительство пересмотреть свою политику судебного блокирования исков по этим делам.

Российские реформаторы от революционного лозунга в 1917 г. “Грабь награбленное!” продвинулись в 1992 г. к еще более революционному “Грабь заработанное!”. В этой связи академик Н.Я. Петраков ставит вопрос: “Можно ли считать прочной правовую основу вновь возникшей частной собственности, если она приобреталась одновременно с экспроприацией частной собственности, находившейся в распоряжении миллионов граждан России?”⁶.

Обещанное участие в распределении общенародной собственности, формирование массового слоя средних собственников, широко декларируемое российскими реформаторами, погасило протестную волну. Общественность даже не стала акцентировать свое внимание на настойчиво повторяющемся утверждении, что рубль не имеет материального эквивалента, ибо в стране товарный голод, хотя тотчас же после отпуска цен во всех регионах России прилавки наполнились товарами. В надеждах на реформы растворился и этот обман. Кроме того, в общественных настроениях сыграла роль та высокая степень доверия к лидерам новой России, которая была оказана ее населением в начале 1990-х годов. Над ними еще витал ореол борцов с тоталитарным режимом.

Подсчеты реальной стоимости государственной собственности, произведённые по различным методикам, сходились в том, что на каждого жителя России, от младенцев до глубоких стариков, приходится общественных богатств на сумму от 50 до 150 тыс. долл.⁷ Когда приватизация будет закончена, то выяснится, что ваучер вообще “не имел никакого значения, кроме социально-психологического, – так напишет летом 1994 г. Е.Т. Гайдар. – Этот документ – часть права на приватизируемую собственность, и его реальная оценка не зависит от того, что на нём написано. Она определяется объемом приватизированного имущества, уровнем финансовой стабильности, теми льготами, которыми обладают трудовые коллективы. В конце концов, из соображений простоты остановились на номинале в 10 000 рублей”⁸.

Но в 1992 г. россияне ничего об этом не знали, ибо их уверили в том, что стоимость ваучера соответствует стоимости двух автомобилей “Волга”. Российские СМИ того периода активно обсуждали тему ваучерной приватизации, публиковались в прессе и показывались на экранах телевизоров многочисленные интервью молодых, умных, энергичных, образованных, свободно владеющих английским языком российских реформаторов, что рождало общее ощущение выгодного контраста на фоне не очень образованных и косноязычных советских партийных руководителей. Можно сказать, как предстоящая приватизация, так и появление в ее результате многочисленного (как постоянно утверждалось!) слоя акционеров вызывали в новой демократической России общественный энтузиазм. Это было не просто время надежд, это было время обоснованных надежд.

“Первоначально, – напишет в конце 1995 г., т.е. “по горячим следам”, в посвященной российским реформам – книге “Государство и эволюция”, тогдашний глава правительства и идеолог реформ Е.Т. Гайдар, – законодательством о приватизации введение наличного платежного средства – приватизационного чека – не предусматривалось. Предполагалось открыть систему именных приватизационных счетов и вести операции с этими счетами”⁹. Т.е., по существу, предполагалось сделать то, что было сделано в Чехии, Польше, Венгрии, Словакии, а затем и в странах Балтии. Именно эту, вполне

---

⁶ *Петраков Н.Я.* Отношения собственности: анализ трансформации в переходный период. – Россия в глобализующемся мире: политико-экономические очерки. Отв. ред. академик Д.С. Львов. М., 2004, с. 565.

⁷ Знаменитый микрохирург С.Н. Фёдоров в 1992 г. сформировал коллектив экспертов для оценки национальной собственности Российской Федерации. По его данным, на долю каждого гражданина России приходилась сумма от 150 до 200 тыс. долл. – Комсомольская правда, 26.XI.2002. Аналогичную сумму называли и западные эксперты: *Lane D.* The Rise and Fall of State Socialism: Industrial Society and the State. Cambridge, 1993, p.49.

⁸ *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995, с. 162.

⁹ Там же, с. 161.

очевидную, идею отстаивали многие экономисты, в том числе и М.Д. Малей, первый председатель Госкомимущества.

И даже М.Б. Ходорковский в недавней переписке с писательницей Л.Е. Улицкой приводит красноречивый эпизод периода подготовки документов предстоящей приватизации: “Когда мои идеи пришлось не ко двору, я ушел, предупредив, что воспользуюсь той дурью, которую они понапишут. В том числе и свободно обрабатываемыми ваучерами. Я сразу говорил, что это плохо кончится, что чешский пример лучше (там закрытые фонды)”¹⁰.

Почему же российские реформаторы не стали этого делать? Почему Малей был отправлен в отставку, а Госкомимущества возглавил А.Б. Чубайс? “Самый талантливый организатор и администратор в нашей команде”, – как характеризует его Гайдар¹¹.

“Потеря темпа, – объясняет Гайдар, – была бы непозволительной роскошью... Альтернатива была предельно простая. Либо мы начнем эту техническую работу (по открытию именных счетов. – *Р.С.*) и упустим короткий исторический момент, когда можно реально провести процесс распределения собственности, либо обходим эти ограничения и начинаем быстро продвигаться вперед”¹². В своей книге Гайдар нигде не обосновывает этот тезис. Почему на приватизацию отпущен “короткий момент”? Что означают туманные намёки на опасность или угрозу упустить начало приватизации? Может быть, намёк на угрозу коммунистического реванша? Но если так, то это не более чем лукавство, так как в начале 1990-х годов подавляющее большинство населения России оказывало безоговорочную поддержку Б.Н. Ельцину и с каждым днем его власть только укреплялась. Можно привести оценку периода 1992 – 1995 гг., данную известным российским политологом, доктором исторических наук Л.Ф. Шевцовой: “В тот период Б.Н. Ельцин и его группа имели решающее влияние в обществе. Демократические и либеральные идеи пользовались полной поддержкой многочисленных слоёв. Реваншистские группы были разрознены и ослаблены. Силловые структуры находились в подавленном состоянии и старались не вмешиваться в политические события. Само же общество было в этот период готово идти на жертвы во имя более устойчивого и демократического будущего. Добавим к перечисленному и наличие благоприятной международной ситуации для осуществления не только рыночных реформ, но и демократизации”¹³.

Поэтому тезис автора о “коротком историческом моменте” ни в коей мере не соответствует действительности. Если процесс приватизации был бы начат на полгода, или даже на год позже, то никакая опасность ему не угрожала. Наоборот, власть первого президента и его окружения только укреплялась, по единодушному мнению как отечественных, так и зарубежных обществоведов, даже чрезмерно. Известный американский политолог С. Фиш считает, что «в России в 90-е годы было создано “сверхпрезидентство” – небывалое в мире сочетание демократических выборов и диктаторского правления, раздутая и сверхмощная исполнительная власть, не уравновешиваемая ни законодательной, ни судебной и не подотчетной им»¹⁴. Опасность для страны исходила не от недостатка, а, наоборот, от излишней концентрации власти в руках президента и его ближайшего окружения, и фактически полной бесконтрольности её со стороны общества. Безграничная власть “президента всея Руси” в первой половине 1990-х годов – явление столь очевидное, что, нет особой необходимости ссылаться на мнения экспертов.

Чем же в таком случае была вызвана беспрецедентная спешка в столь кардинальном для страны социально-экономическом и политическом решении? В книге Гайдара

¹⁰ Новая газета, 11.IX.2009, с. 9.

¹¹ Гайдар Е. Государство и эволюция, с. 159.

¹² Там же, с. 161.

¹³ Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества. – Политические исследования, 1996, № 5, с. 81.

¹⁴ Fish M.S. When Mone Is Less Superexecutive Power and Political Underdevelopment in Russia. – Russia in the New Century: Stability or Disorder? Oxford, 2001, p. 16.

ответов на эти вопросы нет. Просто автор утверждает, что приватизацию нужно было провести очень-очень срочно, но каких-либо аргументов в обосновании такой поспешности не приводит. Возможно, в книге их нет потому, что нельзя же было признаться в том, что провести приватизацию надо было так быстро, чтобы россияне не успели опомниться. Все последующее убедительно это подтверждает.

Опыт постсоциалистических стран показывает, что приватизация – основной элемент перехода от одной социально-экономической формации к другой, а ее осуществление – сложный и длительный процесс. К примеру, социалистическая Польша, начавшая приватизацию задолго до российских реформаторов, и успешно ее проводила до начала 2000-х годов. А “многие крупные предприятия там и сегодня находятся в собственности государства, и не только потому, что они и так достаточно рентабельны, но также и потому, что по соображениям геоэкономической безопасности они не должны находиться в частных руках”¹⁵, – подчеркивает экс-премьер-министр и экс-министр финансов Польши, профессор Г. Колодко. До сих пор, по его свидетельству, 20% ВВП Польши приходится на государственный сектор, в котором занято 28% работающих¹⁶. В постсоциалистических странах Европы приватизации предшествовала коммерциализация, а разгосударствление собственности там начинали с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизация средних по размеру предприятий была проведена значительно позже (в Польше только через пять-шесть лет), а продажа в частные руки крупных была уже на заключительном этапе приватизации.

В России все было по-другому. Начатая осенью 1992 г. в России массовая приватизация привела к тому, что уже к началу 1995 г. более 70% государственных предприятий были переданы частным владельцам, а к 1997 г. негосударственные предприятия составляли уже 95,6% общего числа предприятий¹⁷. Возможно, это была самая скоротечная приватизация в истории человечества. “К середине 1990-х годов мы имели огромное количество приватизированных предприятий в самых различных отраслях промышленности, – пишет Г.А. Явлинский, – с неэффективным управлением, убыточным производством, огромными задолженностями перед бюджетом и своими работниками, непрозрачными и полукриминальными схемами реализации”¹⁸.

Правящая верхушка не собиралась делить государственную собственность со своим народом. Российские реформаторы не вняли рекомендациям ООН – ввести для каждого жителя России лицевые национальные счета как это сделали, например, у себя норвежцы, когда начали промышленную добычу нефти на прибрежных шельфах.

Поспешность в приватизации можно объяснить следующим обстоятельством: Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс, А.Р. Кох и другие члены правительства были достаточно информированными людьми и тогда, в 1992 г., прекрасно понимали, что, несмотря на многозначительные намёки о неких угрозах возврата к социализму, Россия уже не вернётся назад, к всеобщей государственной собственности. Но при этом трезво осознавали, что время их **личного** пребывания у власти ограничено, и формирование номенклатурного капитализма или, говоря словами самого Гайдара, “реальный процесс распределения собственности”, вполне может состояться и **без них**, что делало конкретно для них ситуацию действительно критической, поэтому они так лихорадочно спешили.

Многие поступки первого президента России было невозможно прогнозировать. Почему Ельцин предпочел вдруг эту команду авторам-разработчикам уже имеющейся и поддержанной научным сообществом, и широкой общественностью программы

---

¹⁵ Колодко Г. Глобализация и намерстывание. От экономического спада к экономическому росту в странах с переходной экономикой. – Постсоциалистические страны в условиях глобализации. Сб. материалов международной научной конференции. М., 2001, с. 67–71.

¹⁶ Путь в Европу. Под общей редакцией И. Клямкина и Л. Шевцовой. М., 2008, с. 122.

¹⁷ Куда идет Россия. Белая книга реформ. Составители: С.Г. Кара-Мурза, С.А. Батчиков, С.Ю. Глазьев. М., 2008, с. 37.

¹⁸ Явлинский Г. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX–XXI вв. М., 2003, с. 20.

“500 дней”? Почему он не реагировал на жесткую критику гайдаровской программы со стороны многочисленных оппонентов, и, практически всех без исключения виднейших экономистов и социологов? Ответ, не столько убедительный, сколько показательный, дает бывший министр экономики в 1990-х годах, а ныне научный руководитель созданного в 1992 г. правительством РФ Государственного университета Высшая школа экономики проф. Е.Г. Ясин: “Быть может, в стране нашелся бы еще с десяток людей, которые бы знали все это лучше Гайдара. Но кроме знаний нужно было еще иметь и волю. Представим, что на месте Гайдара был бы человек, которого я очень уважаю – последний председатель Госплана СССР Юрий Маслюков. Он знал российскую промышленность лучше Гайдара. Но что это давало для решения задачи? Маслюков же не знал (именно так в тексте. – *Р.С.*), что нужно высвободить цены, а потом терпеть. Он же не знал, что при этом нужно проводить жесткую финансовую политику, чего бы это не стоило, стоять насмерть и не слушать никого. А Гайдар все это знал”¹⁹.

В перечне многократно перечисляемых соратниками Гайдара качеств, которые определили его преимущество перед другими претендентами – “знал”, “не боялся взять на себя ответственность”, “обладал решительностью”, “имел непреклонную волю”, “никого не слушал”, последнее качество было действительно совершенно исключительным, если не уникальным. Редкостная в общественной практике (а тем более, в научной – ведь Гайдар, как и многие другие члены его правительства, имел ученую степень) способность “никого не слушать”, избегать какого-либо диалога с оппонентами – родовое качество российских реформаторов. Они не утратили его и через 18 лет. Тот, кто никого не слушает, прав в двух случаях. Или он действительно знает все, или совершает нечто **неправедное**. Но ведь все знает только Господь Бог. Тому же, кто собирается заняться не совсем праведным делом, любые вопросы, а тем более, вопросы оппонентов, будут только мешать. Подобную нравственно-политическую ситуацию описал Ф.М. Достоевский в романе “Бесы”.

Ответственность государственных деятелей в нынешней России – понятие чрезвычайно умозрительное. Возможно, именно поэтому сегодня здесь так много охотников брать ее на себя. “Для эффективного менеджера реальные плоды его трудов не имеют значения. Его принципиальная позиция – твёрдая безответственность, – замечает С.А. Белковский. – У такого управителя всегда виноват кто-то другой. Страна Россия с ее тоталитарной историей. Русский народ, который можно заставить работать только под дулом автомата. Скверный Ф.М. Достоевский, который вместо азов бизнеса преподавал этому народу какую-то эсхатологическую ерунду”²⁰.

Впрочем, помимо приоритета необходимых качеств существуют и другие точки зрения по поводу назначения Гайдара. По словам М.Н. Полторанина, эту кандидатуру буквально навязал Ельцину Г.Э. Бурбулис. Известный экономист доктор экономических наук, проф. Д.В. Валовой объясняет это тем, что «Бурбулис, зная, что он будет “первой скрипкой” в новом правительстве, не хотел приглашать профессионала или известного экономиста, чей авторитет довлел бы над первым вице-премьером, а предпочел неизвестного в ту пору Гайдара»²¹. Это объяснение, на мой взгляд, так же убедительно отражает ситуацию с назначением того, кто должен был провести экономические реформы.

Председатель Верховного Совета РФ в 1991–1993 гг. доктор экономических наук, проф. Р.И. Хасбулатов, ныне заведующий кафедрой мировой экономики Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова пишет: «Зная хорошо Ельцина, я до сегодняшнего дня задаю себе вопрос: почему он так отчаянно дрался за Гайдара? Другую команду, которая могла бы так бездумно осуществить самые жестокие мероприятия, трудно было бы отыскать. Скорее всего, причиной была не привязанность к Гайдару

¹⁹ Московский комсомолец, 25.I.2010, с. 5.

²⁰ Белковский С. Убить эффективных менеджеров как класс, пока они окончательно не добились России. – Московский комсомолец, 9.III.2010, с. 3.

²¹ Валовой Д. От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. М., 2007, с. 237.

(Ельцин ни к кому “не привязывался”), а фанатичное доверие к американцам, уверенность в том, что он получит от них помощь»²². В более заостренном виде этот довод приводят Г.Х. Попов и Ю.М. Лужков: “Б. Ельцин, отбросивший всех других претендентов, назначил Е. Гайдара, которого абсолютно не знал, только по усиленному навязыванию США, обещавшими в этом случае оказать России многомиллиардную финансовую помощь”²³. Эта причина представляется все же менее убедительной. Традиция объяснять собственные просчеты иностранными происками широко распространена в нынешней России, о чём подробно напишет в 2006 г. в своей книге “Гибель империи” сам Гайдар²⁴.

И все-таки в качестве одного из решающих, на мой взгляд, мотивов этого выбора можно указать на историческую аналогию. Сталин, как впоследствии и Хрущёв, выселили Т.Д. Лысенко только потому, что тот и решительно (“смело”), и ответственно обещал быстрый результат, чего, естественно, не мог позволить себе академик Н.И. Вавилов, потому что, как подлинный ученый, знал, что так не бывает. Гайдар обещал Ельцину не просто быстрый, а чрезвычайно быстрый успех реформ, через полгода, т.е. к осени 1992 г., что дало тогда основание первому президенту РФ пообещать россиянам лечь на рельсы в случае неуспеха. На этот мотив при выборе главы правительства обращают внимание и другие исследователи. Так, по мнению члена Комитета по экономической реформе Верховного Совета СССР эстонского академика М. Бронштейна, «первому президенту России долго ехать к капитализму было не по нраву, да и не по возрасту. Приблизил Чубайса с установкой в наикратчайшие сроки создать на пустом месте мощный отряд национальной буржуазии. Появился блестящий план “прихватизации” за ваучеры»²⁵.

Ельцин ни первый, и ни последний в длинном ряду не вполне компетентных руководителей нашей страны за последние десятилетия. В отечественной литературе появилось много материалов на тему, громко заявленную одним из героев ставшего культовым кинофильма “Доживем до понедельника”: “России за последние сто лет очень не везло с царями”. Из всех известных мне авторов этих материалов, пожалуй, наиболее точную оценку качеств руководителей нашей страны позднесоветского и, особенно, постсоветского периода дает философ и публицист Д.Е. Галковский: «Происходят грандиозные события, события, которые миллионы забытых и ограбленных русских ждали десятилетиями, поколениями. Но совершаются эти события даже не временщиками, а людьми “иного порядка разума”. Они не совершают математических ошибок, потому что не подозревают о существовании математики... Речь идет не только о захвате власти в богатейшем государстве мира, но о событиях, которые действительно определяют судьбы человеческие»²⁶.

Так случилось, что в момент грандиозных событий руководителем России оказался Ельцин, о котором как у нас, так и за рубежом сформировалась обширная библиография, в том числе и мемуаристика. Вот свидетельство Т. Грэхема, одного из руководителей посольства США в 1991–1997 гг.: “Ельцин делал такие уступки США, которые не соответствовали мнению большинства россиян. У нас была уверенность, что мы можем им манипулировать, как того захотим”²⁷. Еще более откровенно высказался в своих мемуарах “Русская рука”, курировавший тогда в госдепартаменте США отношения с Россией С. Тэлботт: “Ельцин всегда воспринимал дипломатию как спектакль. А когда он был пьян, его спектакли напоминали бурлеск” (вульгарное, шуточное зрелище. – *Р.С.*). Причем, как следует из содержания книги, пьян Ельцин

²² Аргументы и факты, 2010, № 6, с. 12.

²³ Лужков Ю., Попов Г. Еще одно слово о Гайдаре. – Московский комсомолец, 22.1.2010, с. 4.

²⁴ Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006, с. 199–201.

²⁵ Бронштейн М. На рубеже эпох. Таллинн, 2002, с. 140.

²⁶ Галковский Д. Магнит. Псков, 2004, с. 97–98.

²⁷ Век, 2000, № 14, с. 6.

был практически всегда, в том числе и на важнейших переговорах, затрагивавших судьбы нашей страны²⁸.

Само по себе обстоятельство, что во главе государства оказался не вполне компетентный руководитель – вовсе не означает проявления некоей исторической закономерности, как полагают некоторые аналитики. Поэтому нельзя согласиться с выводом Г. Егорова и К. Сонина: “подбор некомпетентных руководителей – в самой природе авторитарных режимов”²⁹. Просвещенные монархи не только боялись, но и стремились окружать себя компетентными помощниками. Российский пример – Пётр I, Екатерина II, Александр II и др.). Исторический опыт нашей страны, как периода Российской империи, так и периода Советского Союза опровергает это суждение.

Не следует в появлении той или иной фигуры высшего чиновника видеть проявление законов общественного развития. Вариативность исторического процесса, особенно в его узловых моментах, признается теперь даже самыми ортодоксальными марксистами-ленинцами. В данном случае многое зависело от личных мотивов решения президента РФ – в ситуации, сложившейся в России к концу 1991 г. действительно “кадры решали все”. В том, что у руля управления российской экономикой оказались именно Гайдар с Чубайсом, никакой исторической закономерности не было.

Как ее не было и в конце XVII в., когда на российском престоле оказался Пётр I, а не его сестра Софья. Не было никакой исторической закономерности, по которой обязательно должна была царствовать Екатерина II, а не Пётр III. Появление на сцене тех или иных персоналий – результат конкретной, часто даже конкретно-бытовой ситуации, возникшей в результате взаимодействия иногда, как это не прискорбно, самых незначительных, а порой, даже, курьезных факторов. А случайные люди во главе государства – тривиальнейший сюжет в мировой истории.

Выбор Ельцина был неожиданным для мыслящей части общества и, как оказалось, совсем не лучший выбор. И сейчас иногда слышатся голоса, что реформы по-другому провести было невозможно, приватизация неизбежно должна была быть криминальной, расхищение государственной собственности было predeterminedено и т.д., и т.п. Но все эти объяснения были сделаны постфактум, вдогонку произошедшим событиям. В подобного рода рассуждениях заволаживающую роль играет свойственное человеческой природе гипнотическое давление факта уже свершившегося события. Что детерминируется по незамысловатой, но по-своему очень убедительной схеме – если это случилось, то, следовательно, и должно было случиться. Такова магия происшедшего для нормального человеческого восприятия. Кроме того, по прошествии нескольких лет любое событие покрывается патиной времени, постепенно окостеневая в исторической памяти людей, ещё больше усиливая в общественном сознании эффект своей неотвратимости. А уж через 15–20 лет нашему воображению трудно даже представить, что все могло быть иначе.

Популярная ныне сентенция о том, что история не знает сослагательного наклонения, содержит всего лишь банальнейшую мысль о невозвратности времени. Но любой исторический момент, а уж, тем более, переломный, имманентен различными сценариями развития. Сюда же относится и фундаментальное положение экономической теории о существовании множества оптимальных решений. Выбор осуществляют люди. “Нас позвали в момент выбора”³⁰, – подчеркивает Гайдар.

В решениях политических лидеров всегда присутствуют элементы и вкусовщины, и произвола. «Я лично верю в случайность в истории, то есть в волю человека, – писал академик Дмитрий Лихачёв, – Поэтому такие вопросы, как “что нас ждет в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, кото-

²⁸ Цит. по: Бушужева В. От Ленина к Путину. Заметки о развилках и персонажах российской истории. М., 2006, с. 422–423.

²⁹ См.: Egorov G., Soninke K. Dictators and Their Viziers: Agency Problems in Dictatorships. – Center for Economic Policy Research. Discussion Paper 4777. London, 2004.

³⁰ Гайдар Е. Государство и эволюция, с. 153.

рые бы вели нас по строго определенному пути в истории, нет»³¹. В новейшей истории решающую роль приобретают субъективные факторы – политическая воля и политические институты. Социальные закономерности в значительной мере дополняются и корректируются субъектами или, как теперь принято говорить, акторами социального действия. Ректор еще одного высшего учебного заведения, созданного при поддержке правительства Гайдара в 1992 г., – Российской экономической школы С.М. Гуриев, указывая на Дэн Сяопина, дважды репрессированного и выжившего буквально чудом, как на одного из самых успешных реформаторов, подчеркивает, что “пример Китая свидетельствует, сколь велика в этом деле роль случая”³². Анализируя выбор Ельцина в начале осени 1991 г., нельзя не вспомнить великого экономиста Дж. Кейнса, который ещё в середине прошлого века подчеркнул, что “сумасбродные политики, стоящие у власти, имеют гораздо большее значение в истории, чем об этом принято думать”³³. О роли субъективного фактора в историческом процессе пишет и сам Гайдар: “Выбор стратегии развития на десятилетия вперед зависит от факторов, которые невозможно прогнозировать. Роль личности в истории больше, чем думали классики марксизма”³⁴. Есть обстоятельства, есть случай и, следовательно, есть везение и невезение, которое многие готовы объяснить фатальной неизбежностью.

Поскольку экономические реформы в России часто сравниваются с реформами в странах Балтии – они стартовали одновременно, стоит привести оценку наших соседей. Вот мнение эстонского политолога К. Лийк, которое она высказала в 2007 г. на одной из авторитетных дискуссий, организованной Московским фондом “Либеральная миссия”: “Мне довелось в течение шести с половиной лет работать журналистом в России. Внимательно наблюдая за тем, как происходили здесь постсоветские реформы, я много размышляла о российском правящем классе. И поняла, что едва ли не решающую роль в определении стратегического вектора развития страны играют люди, которые эти реформы начинают. Думаю, что готовых и способных строить демократию, в России не оказалось. Эстонии в данном отношении повезло больше”³⁵.

Можно согласиться с К. Лийк, что Эстонии повезло, а России не повезло с реформаторами, но никак нельзя согласиться с тем, что в отличие от маленькой Эстонии в огромной России людей готовых и способных строить демократию не было. К сожалению, сложившееся в 1990-х годах представление о России, как стране, характеризующейся отсутствием людей, которые по своим человеческим качествам соответствуют высокой цели общественных преобразований, а главное, готовы эти качества использовать на благо своего народа, разделяют многие представители истеблишмента соседних с Россией восточноевропейских государств. Действительно, таких авторитетных, честных и ответственных за судьбу своего народа, как Дэн Сяопин в Китае, Альгирдас Бразаускас в Литве, Эдгар Сависаар в Эстонии, Владимир Мечьяр в Словакии, Лешек Бальцерович в Польше, Вацлав Гавел в Чехии на российском политическом олимпе в 1990-годах не оказалось. Но вовсе не потому, что в России не было такой породы способных управленцев.

Разумеется, люди не ангелы, и к любому человеку всегда можно предъявить те или иные претензии, к тому же люди могут меняться под влиянием различных обстоятельств. Так же как из любого порядочного человека масс-медиа легко могут создать в общественном мнении чудовищного монстра, о чём еще в позапрошлом веке блистательно написал М. Твен. Но взгляд на Россию как на страну, где честные политики отсутствуют по определению, исходит или из крайней политической наивности, или из столь же крайней неприязни к нашей стране. Ведь на месте тех, кто проводил реформы помимо упомянутых авторов программы “500 дней” – С.С. Шаталина,

³¹ Лихачёв Д. Совесть – гарантия свободы. – Время жить вместе, 2007, № 1, 2007, с. 3.

³² Pro et Contra, 2006, № 4 (33), с. 99.

³³ Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М., 1993, с. 518.

³⁴ Гайдар Е. Гибель империи, с. 204.

³⁵ Путь в Европу, с. 25.

Г.А. Явлинского, Н.Я. Петракова, В.И. Селюнина и др., могли оказаться бывший министр экономики в правительстве Гайдара С.Ю. Глазьев, который из-за принципиального несогласия с избранным курсом вскоре ушёл оттуда; бывший Генеральный прокурор РФ А.И. Казанник, ужаснувшийся происходящему и также подавший в отставку; или бывший министр юстиции РФ Н.В. Фёдоров, по тем же причинам покинувший это пост; или бывший командующий пограничными войсками генерал А.А. Николаев, вставший на пути провоза через границу контрабандного спирта в Россию, и тем самым, посягнувший на интересы высокопоставленных государственных чиновников и поплатившийся своим постом; или бывший заместитель председателя Счетной Палаты РФ Ю.Ю. Болдырев, вынужденный также из-за своей честности и принципиальности уйти с этого поста в 2000 г.; бывший мэр г. Владивостока В.И. Черепков, всеми мыслимыми и немислимыми способами многократно лишаемый права участвовать в выборах главы города, где популярность среди населения обеспечивала ему победу. Или, наконец, призванный в связи с августовским кризисом 1998 г. на пост премьер-министра академик Е.М. Примаков – первый и честный, и компетентный, и решительный глава правительства в новой России – в подчеркнуто оскорбительной форме уволенный через год Ельциным (многие, вероятно, помнят знаменитое “Не так сели!”) с этого поста после того, как посмел пригрозить арестом “другу семьи” – Б.А. Березовскому³⁶. Можно назвать и многих других современных политических деятелей России, которые убедительно продемонстрировали тогда совершенно иное качество морали. Конечно же, умных, честных и энергичных людей, способных руководить страной в начале 1990 г., в России было немало. Но они не были востребованы, потому что не вписывались в задуманный сценарий, и если они все-таки попадали на высокие государственные посты, правящая верхушка их немедленно отторгала.

Пожалуй, наиболее ярким примером эффективности этого селективного механизма может служить эпизод с В.П. Полевановым. Губернатора Амурской области – многолетнего и заслуженного колымского геолога, знаменитого человека в Сибири – назначили 17 ноября 1994 г. председателем Комитета по управлению государственным имуществом и одновременно вице-премьером вместо Чубайса, который ушёл тогда на повышение – первым вице-премьером. Став третьим по рангу лицом в правительстве РФ, В.П. Полеванов приобрел не только высокий государственный статус, но, что более важно, получил возможность ознакомиться со многими документами приватизации, и был, по его словам, “ошарашен и цинизмом, и масштабами расхищения государственной собственности”. Тщательно изучив материалы приватизации, он подготовил и подал премьер-министру В.И. Черномырдину подробную докладную записку о творящихся в стране преступлениях. Этот поражающий воображение документ опубликован³⁷. Полеванов подал свою записку 18 января 1995 г. а через три дня – 21 января 1995 г. он был уволен.

Ещё раз подчеркну, что узловые моменты в истории всегда многовариантны. Роль же субъективного фактора чаще всего становится в переломных ситуациях решающей. Российской правящей верхушке нужно было убедить общество в заведомой ущербности этого фактора, внедрить в общественное сознание тезис о предопределённости злоупотреблений в высших эшелонах власти. Периодика тех лет целенаправленно настраивала массовую аудиторию на неизбежность моральных потерь при проведении реформ. В 1990-е годы российские СМИ часто упоминали старинную притчу о нецелесообразности отгонять мух с обнаженного тела наказанного, ибо на их место прилетят другие, голодные, а, следовательно, более злые. Постоянно твердили о господстве инстинкта грабить, пока не будет достигнуто состояние “сытости”;

---

³⁶ Е.М. Примаков неосторожно предложил выпустить из тюрем мелких преступников, а на их место посадить тех, кто совершил масштабные экономические преступления, имея в виду российских олигархов. Березовский в этом предложении почувствовал грозящую ему опасность и добился отстранения Примакова от должности.

³⁷ Полеванов В. Технология великого обмана. М., 1995, с. 8–17.

усиленно популяризировали обречённость “голодных людей, оказавшихся во власти, на казнокрадство” и т.п. Тогдашняя российская пресса пестрела историческими аллюзиями на тему аморальности государственных деятелей. В неявном, а подчас и в явном виде в этом общемировом контексте присутствовала и пресловутая российская “специфика”.

Но усиленно пропагандируемую в тот период “фатальность воровства” в России опровергают многочисленные исторические примеры, которые свидетельствуют о совершенно иных для нашей страны вариантах. Вот, например, как писал В.О. Ключевский о российских государственных деятелях XVII в. – кануна петровских реформ: “В борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготовляли не только и не столько саму реформу, сколько самих себя, свои умы и совести к этой реформе”³⁸.

То, что нравственные качества руководителей России, при переходе от тоталитарного строя к демократическому, оказались ниже, чем при переходе от Средневековья к Новому времени, есть социальная реальность, но никак не закономерность. В этом принципиальное различие в характере субъективных и объективных условий исторического процесса.

Популярную ныне сентенцию о генетической нечистоплотности российских реформаторов опровергают и события после Февральской революции 1917 г. Парламентские лидеры, которые тогда получили власть, в большинстве своем были образованными и честными людьми, что никогда не отрицали даже большевики. Никто из них не был замечен в стремлении к личному обогащению, в каких-либо злоупотреблениях властью.

К сожалению, субъективный фактор в проведении экономических реформ в России оказался основополагающим для их итогов. Объективно другое: реформаторам нельзя было открыто декларировать в качестве цели экономических преобразований создание в России номенклатурного капитализма. Нужна была отвлекающая идеология (вроде “справедливого распределения национальных богатств”) и соответствующая ей риторика. В отличие от примитивной советской пропаганды были использованы более эффективные методы воздействия на общественное сознание. В первую очередь, это относилось к необходимости быстрой приватизации. Например, утверждение о негуманности “рубить кошке хвост по частям”. Этот популярный в 1990-х годах аргумент недавно воспроизвёл Е.Г. Ясин, оправдывая стремительность российской приватизации³⁹. В качестве характерного примера индоктринирования массового сознания россиян можно также указать на образ, долго эксплуатируемый в российских СМИ: “через пропасть невозможно перепрыгнуть в два прыжка”. Пропаганда этого образа должна была внедрить в общественное сознание россиян ту мысль, что реформы должны проводиться в максимально быстром темпе. Обман заключался в том, что этот действительно весьма выразительный и психологически эффективный пропагандистский образ был ложен по существу. “Люди и страны не козы. И не должны прыгать через пропасти. Нормальные люди строят через них мосты, – резонно заметили по этому поводу петербургские социологи А.О. Бороноев и П.И. Смирнов. (Как и то, что нормальные люди не рубят кошкам хвосты. – *Р.С.*) Но любое движение мысли в сторону обоснованности, постепенности, прагматичности реформ резко пресекалось обвинениями в консерватизме, в стремлении к возврату старых порядков и т.п.”⁴⁰. Пропагандистский напор, направленный на поддержку тезиса о необходимости максимально быстрого проведения приватизации, был тогда организован реформаторами безупречно.

³⁸ Ключевский В.О. Сочинения, т. 3. М., 1988, с. 337.

³⁹ Московский комсомолец, 25.1.2010, с. 5.

⁴⁰ Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб., 2001, с.136–137.

Волевые качества, уровень образования, организационные способности национальных лидеров – необходимое условие для процветания государства, но недостаточное. Необходимо ещё и высокий уровень нравственности, ответственности перед обществом и государством. Как декларировалось в недавние коммунистические времена, приоритет общественных интересов над интересами личными. К сожалению, по критерию приоритета государственных интересов новые реформаторы оказались абсолютно несостоятельными. У них не оказалось ни той морали, ни той мотивации, которая была характерна для Г.А. Потёмкина, М.С. Воронцова, Н.И. Панина, И.И. Шувалова, Н.С. Мордвинова, А.М. Горчакова, М.М. Сперанского, М.Т. Лорис-Меликова, А.В. Головина, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова, П.А. Столыпина и многих других реформаторов в истории российского государства. А, главное, нынешние реформаторы в отличие от своих предшественников были лишены чувства идентичности со своей страной.

Будучи лучшей частью народа, национальная элита выражает его интересы, проявляет о нем заботу, стремится к его просвещению. Солидарность элиты со своим народом проявляется, прежде всего, в её заинтересованности в его физическом и нравственном здоровье. Это историческая закономерность, ибо здесь между целым и его частью существует родовая связь: исчезнет народ – исчезнет и его элита. У номенклатуры нет аналогичных связей с народом, здесь иная природа, иная мотивация, иные отношения. “Ошеломленная от своего неожиданного сверхбогатства, – писал о российской правящей верхушке 1990-х годов А.И. Солженицын, – эта сплотка корыстных людей бесконечно равнодушных к судьбе подвластного им народа и даже к тому, выживет ли он вообще или нет”⁴¹. Люди, лишённые чувства идентичности со своим народом, инстинктивного понимания чаяний своего народа, ощущения кровного единства со своей страной, не могут проводить благотворные для её процветания реформы.

Но ведь и внутри самой номенклатуры существуют различные представления о реальной жизни. Есть такое понятие – «кабинетный специалист». Общая беда кабинетных специалистов, заключающаяся в слабом знании собственной страны, собственного народа и тем более упомянутого Е.Г. Ясиным знании “собственной промышленности”, становится непростительной, если речь идет об управленцах высшего звена. Этот фундаментальный недостаток реформаторов отмечают те, кому приходилось сотрудничать с ними. “Было очевидно, что правительство возглавили люди, совершенно оторванные от практики – свидетельствует один из самых успешных российских губернаторов М.М. Прусак, достаточно близкий к реформаторам. – Они и выбрали самый радикальный, и самый болезненный вариант, поскольку не видели другого”⁴². Можно добавить, что и не желали видеть, так как на российский народ смотрели как на сборище “совков”, коммунистических иждивенцев. Незнание часто является источником враждебности. Возможно, именно дефицит добрых чувств у российских реформаторов к своему народу явился причиной того, что, как справедливо заметил академик Н.П. Шмелёв, “сегодня мы самая антисоциальная страна промышленного мира”⁴³. Об этом свидетельствует высказанное в феврале 1992 г. Гайдаром на совещании по социальным проблемам суждение о том, что уход из жизни людей, неспособных адаптироваться к радикальным преобразованиям – дело естественное⁴⁴. Или столь же откровенный его ответ на вопрос о том, что будет в итоге реформ с пенсионерами – “они умрут” – более всего свидетельствует о нравственных установках этих людей⁴⁵. Анализируя источники ущербной морали первых руководителей России, американский писатель Д. Сэттер, долгое время проживший в России, прихо-

⁴¹ Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998 с. 49.

⁴² Прусак М. Реформы в провинции. М., 1999, с.14.

⁴³ Время новостей, 8.11.2008, с. 4.

⁴⁴ Московский комсомолец, 22.1.2010, с. 4.

⁴⁵ 2 января 2008 г. О.М. Попцов напомнил об этом радиослушателям “Эхо Москвы”.

дит к следующему выводу: «Большинство этих “молодых реформаторов” в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать “построению коммунизма”. Хотя они были в значительной степени прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным воззрениям. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них беспощадность по отношению к другим чиновникам коммунистического режима и к россиянам вообще»⁴⁶.

К тому же у абстрактных теоретиков – неважно более образованных или менее образованных – часто элиминирует гуманистическая составляющая социального поведения. Цель становится высшим и безоговорочным приоритетом. Так было и для Сталина, учившегося в тифлисской семинарии, и для Пол Пота, учившегося в парижской Сорбонне, и многих других диктаторов.

Игнорирование средств ради цели указывает на кровное родство революционеров Октября 1917 г. (“нравственно все, что ведет к победе коммунизма”) и нынешних радикальных реформаторов (“нравственно все, что ведет к победе рынка”). Просто в первом случае, замечает директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, проф. Р.С. Гринберг, в России победил радикализм левого толка, а во втором – правого⁴⁷. Если в первом случае экспроприировали частную собственность ради создания государственной, то во втором – экспроприировали государственную ради создания частной.

Но то, что сделали реформаторы в России, вовсе не означает торжества пресловутой “российской специфики”. Моральная ущербность присуща и представителям западной интеллигенции, особенно в период общественных трансформаций, что отмечают западные исследователи. Так, К. Поппер в своей фундаментальной работе “Открытое общество и его враги” подробно рассматривает отрицательную социальную роль в переходных процессах “слоя интеллигенции, предрасположенного к интеллектуальной нечестности”⁴⁸ (можно считать эту дефиницию “политкорректным” западноевропейским эвфемизмом циничного ленинского определения этой части нации) и устанавливает высокую степень ее ответственности за деморализацию социума, за разрушение базовых ценностей общества. “Мы должны извлечь из этого урок, заключающийся в том, – предостерегает он, – что интеллектуальная честность является фундаментом всего, чем мы дорожим”⁴⁹.

Для того чтобы нам в России усвоить этот урок, необходимо показать всю механику российских реформ, и усилия авторов, создавших и запустивших этот механизм, и необратимость процессов, порожденных этим механизмом. Наиболее проницательные умы в России дают точные описания этого механизма.

Так, А.И. Солженицын дал российским реформам свою оценку: “Чубайс философствовал тогда, что никогда в мире не видели такой быстрой приватизации. Так буквально и есть. Таких идиотов нигде в мире больше не было. С огромной скоростью раздали за бесценок наши благословенные недра: нефть, цветные металлы, алмазы, уголь; производство. Ограбили Россию до нитки”⁵⁰. Позже он уточнил: «В середине 1994 года высокодоверенный вице-премьер Чубайс, демонстрирующий недавним советским людям “стальную волю”, объявил “второй этап приватизации” – так, чтобы государственное имущество перешло бы в руки немногих дельцов (эта цель публично заявлялась членами его аппарата). Притом он выдвинул лозунг обвальности приватизации: то есть почти мгновенности ее, врасплох... Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как

---

⁴⁶ *Сэттер Д.* Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. М., 2004, с. 47.

⁴⁷ *Гринберг Р.С.* Россия: экономический успех без развития и демократии? – Россия и современный мир, 2006, № 1, с. 8.

⁴⁸ *Поппер К.* Открытое общество и его враги, т. 2. М., 1992, с. 72.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Московский комсомолец, 11.VI.2004.

“национализация” (1917–1919) и коллективизация (1929–1931), – только с обратным знаком»⁵¹.

Пороки российской приватизации точно фиксировали не только в самой России, они бросались в глаза и наблюдателям со стороны. Американский журнал “Тайм” в мае 1993 г. писал о распродаже по дешёвке бывшей сверхдержавы: “Как бы вам понравилось, если бы вы купили примерно половину российской индустриальной базы по цене даже ниже стоимости одного бомбардировщика В-2? А ведь вы можете это сделать! Этой зимой российское правительство начало приватизацию тысяч крупных и среднего размера предприятий. Правительство выпустило купоны на каждого российского гражданина, которые вы сможете использовать для покупки акций этих предприятий. Номинальная стоимость каждого купона 10 тыс. рублей, т.е. менее 15 долл. США, но фактически они продаются за 6 или 7 долл. Трудно даже представить себе более выгодную сделку – это лучшее, что вы сегодня можете сделать с вашими деньгами”⁵².

Тот, кто продавал свои ваучеры, мог получить эти 6 или 7 долларов. По этому поводу в свойственной российским реформаторам манере недавно выразился уже цитируемый здесь министр экономики в гайдаровском правительстве А.А. Нечаев: “Никто не заставлял отдавать ваучеры за бесценок. Если же кто-то готов за бутылку водки не то что ваучер, а мать родную продать – с этим ничего не поделаешь”⁵³. Но те, кто обменяли свои ваучеры, как настоятельно советовали реформаторы, в различных чековых инвестиционных фондах на акции коммерческих компаний – а таких было абсолютное большинство – не получили даже и 6–7 долл., так как эти компании не платили никаких дивидендов, а большинство из них исчезло так же, как быстро исчезли и многочисленные чековые инвестиционные фонды. Серьезные же акционерные компании, такие как “Газпром”, “ЛУКОЙЛ”, “Норильский никель”, московский “ГУМ” и многие другие были недоступны для рядового россиянина, они не желали иметь дело с обладателями нескольких семейных ваучеров. К распределению акций допускали только крупных владельцев. Помимо “своих”, которые могли получить в банках кредит на покупку нескольких десятков тысяч ваучеров, выигрывали и “красные” директора, которые имели возможность взять кредит под залог предприятия. Сегодня во многих российских семьях хранятся эти “ценные бумаги” – акции различных предприятий, полученные в 1993–1994 гг. за ваучеры, как документальное свидетельство грандиозного обмана. При этом за ваучер надо было заплатить 25 рублей.

Здесь необходимо напомнить, что еще в октябре 1988 г. Комитет по экономической реформе Верховного Совета СССР разработал план и программу поэтапной продажи средней и крупной собственности на открытых аукционах по их действительной стоимости или передачу их в концессию, сохраняя за государством ту часть, которая является естественной монополией. Эта идея нашла поддержку ведущих экономистов страны.

С самого начала экономических преобразований реформаторы и их апологеты усиленно пропагандировали тезис: их способу приватизации в России не было альтернативы. Ошибка лишь в том, признали они после проведения приватизации и часто это повторяют сегодня, что не объясняли населению, каким образом она осуществляется, и что вообще происходит в экономике. Дружное признание *post factum* своей вины в том, что народ держали в неведении о методах и ходе приватизации, рождает естественные вопросы: Зачем упорно скрывали свои действия? Почему не объясняли населению суть происходящего? Разве кто-нибудь мешал им, тогдашним хозяевам страны, и тем более хозяевам СМИ, делать это? Достаточно резонный, а главное, исчерпывающий ответ на эти вопросы даёт проф. Е.Г. Ясин: “бывают ситуации, когда вам просто нечего сказать”⁵⁴.

⁵¹ Солженицын А. Россия в обвале, с. 22.

⁵² New York Times, 14.V.1993.

⁵³ Аргументы и факты, 2010, № 6, с. 13.

⁵⁴ Московский комсомолец, 25.I.2010, с. 5.

Реформаторы постоянно подчеркивали, что их **не интересуют источники обогащения** “новых русских собственников”, главное – чтобы они как можно скорее обзавелись капиталом. Отмена моральных ограничений при сколачивании капитала кардинально изменила общую атмосферу в стране. Академик А.Д. Некипелов в этой связи отмечает, что реформаторы подводят общество к мысли о том, что хороши любые средства, если они способны продвинуть страну к рыночной экономике⁵⁵.

Население России ожидало, что либерализация экономики приведет к тому, что всевозможные теневые операции перерастут в законный бизнес, но произошло обратное: новый российский бизнес был загнан в мир организованной преступности. Например, в феврале 1993 г. коммерческий банк с хорошими связями мог получить в Центральном банке ссуду под 7% в месяц. Но в тот же месяц индекс цен на потребительские товары возрастал на 25%. В итоге – чистая прибыль в 15% за несколько недель. Экономическая литература тех лет пестрела подобными и другими примерами разворовывания государственной казны.

Залоговые аукционы, которые проводились в течение двух лет, были чистой профанацией: нередко они вообще технически не проводились, а всё решалось, точнее, оформлялось на бумаге полюбовно. Российская общественность была поражена, когда стали известны цены, по которым были проданы многие ведущие предприятия, рентабельность которых не вызывала никаких сомнений. “Уралмаш” в Екатеринбурге был продан за 3,7 млн. долл., Челябинский металлургический – за 3,5 млн. долл., комбинат “Норильский никель”, производивший в стране 90% никеля, 90% кобальта и 100% платины, стоивший, по мнению экспертов десятки млрд. долл., был сдан в залог потанинскому ФПГ всего за 170 млн. долл.⁵⁶ В докладе Счётной палаты РФ приведены примеры распродажи за цену в 10–20 тыс. долл. таких предприятий, как “Авиационный комплекс им. С. Ильюшина”; “Московский вертолётный завод им. М. Миля”, хотя на момент приватизации там имелись только что изготовленные самолёты и вертолёты на десятки миллиардов долл.⁵⁷

Практически бесплатная раздача государственной собственности – катастрофический итог экономических реформ. Этот факт настолько разрушителен и очевиден, что его вынуждены осуждать даже самые последовательные защитники гайдаровских реформ. “По моему глубокому убеждению, денежная фаза приватизации в значительной степени провалилась, – так высказался недавно проф. Е.Г. Ясин. – Мы могли бы получить за государственную собственность гораздо больше денег”⁵⁸.

Вся тяжесть наполнения бюджета легла на плечи основной массы населения. Крупный же капитал мог жить спокойно, переводя основную часть своих доходов в зарубежные банки. Для этого были созданы все условия, так как в первую очередь были приватизированы не малоэффективные производства и нерентабельные предприятия, как это должно было быть, и как это было сделано в других постсоциалистических странах, а самые доходные, за счёт которых правительство могло пополнять бюджет. Подобное разгосударствление собственности было чисто российским “ноу-хау” и не имело аналогов в рамках современной европейской цивилизации. Это методологическое извращение привело хозяйственную жизнь в России к тяжёлым последствиям. В результате “огромными масштабов достигла диспропорция между наличными мощностями и степенью их загрузки, потребностями их развития и низким уровнем инвестиций, – пишет о событиях 1990-х годов Е.М. Примаков. – Не обеспечивалось даже простое воспроизводство основного капитала, не говоря уже о пополнении собственных оборотных средств или о модернизации и обновлении производственной базы. Реальный сектор экономики быстро деградировал. Одновременно катастрофически рос государственный долг”⁵⁹.

⁵⁵ Некипелов А.Д. Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996, с. 306–307.

⁵⁶ См.: Сироткин В. Анатолий Чубайс: великий инквизитор. М., 2006, с. 96.

⁵⁷ Степашин С. Унесенные ветром. – Поиск, 10.11.2006, с. 6.

⁵⁸ Московский комсомолец, 25.1.2010, с. 5.

⁵⁹ Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999, с. 425–426.

В ходе экономических реформ произошло важное событие, которое в России старательно замалчивается. В конце 1993 г., когда угроза для России способа приватизации, выбранного правительством Гайдара, стала уже совершенно очевидной, практически все видные российские и американские экономисты, включая пятерых Нобелевских лауреатов, направили Б.Ельцину совместное “Заявление”, где не только подробно и аргументированно объяснялись масштабы этой угрозы, но и содержался призыв к российскому руководству остановить этот глубоко ошибочный как с экономической, так и с политической точек зрения процесс. Авторы этого документа – 45 ведущих ученых России и США предлагали альтернативу гайдаровским реформам. Наряду с российскими академиками Л.И. Абалкиным, Г.А. Арбатовым, О.Т. Богомоловым, С.Ю. Глазьевым, Р.С. Гринбергом, В.В. Ивантером, Д.С. Львовым, В.Л. Макаровым, П.А. Минакиром, А.Д. Некипеловым, Н.Я. Петраковым, С.А. Ситаряном, С.С. Шаталиным, Н.П. Шмелёвым, Ю.В. Ярёмченко и другими “Заявление” подписали более 20 ведущих американских экономистов, в том числе Нобелевские лауреаты: Л. Кляйн, В. Леонтьев, Д. Норт, К. Эрроу, Д. Тобин.

В Заявлении подчеркивалось, что без эффективной государственной программы начавшиеся в России преобразования приведут к следующим результатам: резкому сокращению ВВП, высокой инфляции, увеличению импорта конечного продукта до уровня, уничтожающего спрос на внутренние товары, криминализации экономики, деградации социальной сферы, включая здравоохранение, образование и безопасность населения, сокращению капиталовложений в экономическую инфраструктуру, падению уровня жизни и опасному разрыву в доходах и т.д., т.е. всему, что вскоре и произошло.

Эта акция международной солидарности учёных не имела прецедента, как в истории политики, так и в истории науки. Но российское руководство ее демонстративно проигнорировало. В тот момент еще можно было многое исправить, а уже через пять – шесть месяцев процессы “криминальной приватизации”, а главное, их последствия для России стали необратимыми. Замалчивание документа такого уровня общественного статуса, интеллекта и компетентности весьма показательно. Но, как верно подметил проф. Е.Г. Ясин, реформаторы никого не слушали.

В чём состоит сущность реформ 1990-х годов?

Почти всё, что получает сегодня Россия, есть не что иное, как рента от использования природно-ресурсного потенциала. Но, справедливо замечает академик Д.С. Львов, «рентный доход не является “делом рук человеческих”. Его главная составляющая – природная рента, не является результатом непосредственной предпринимательской деятельности, коммерческих рисков и т.п. Поэтому в демократических странах она находится в руках государства. Зачем же российские реформаторы природную ренту передали в частные руки? Затем, что созданный экономический механизм позволяет этот доход аккумулировать в руках узкой по своей численности околоставной финансовой верхушки. В результате более 90% населения страны лишены доступа к природному общественному благу»⁶⁰. Прежде всего это относится к углеводородам. Западные аналитики считают, что недооценка стоимости активов приватизированных предприятий нефтяного комплекса России составляет не менее 480 млрд. долл.⁶¹

Даже обласканные властью высокопоставленные чиновники вынуждены признать, что реформы 1990-х годов привели страну в тяжёлое положение. Так, бывший в 1990-х годах вице-премьер А.Я. Лившиц в 2005 г. откровенно заявил, что “рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили лишь экономическую модель типа Филиппин времен Маркоса или Индонезии времён Сукарно. Фактически Борис Ельцин роздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование. Мы даже не отдаём себе отчета,

⁶⁰ *Львов Д.С.* Россия и современный мир. – Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001., с. 27.

⁶¹ *Глинкина С.П.* Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М., 2006, с. 191.

что живём в социалистической стране. Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах – они еще пока сами ничего не построили. Свой товар возят по социалистическим рельсам, а ток передают – по социалистическим линиям передач. Ремонтируют? Да, но не строят. Это все досталось от той страны, которой нет уже пятнадцать лет. А хоть какого-то ввода мощностей мы не видим”⁶².

Совсем недавно подобное признание сделал ещё более высокопоставленный российский чиновник – заместитель главы Администрации Президента РФ В.Ю. Сурков: “Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало что сделали сами”⁶³.

Зам. директора Института экономики РАН проф. С.П. Глинкина, глубоко исследовавшая процессы приватизации в странах Центральной и Восточной Европы, приходит к выводу, что «возникает закономерный вопрос: можно ли “разгосударствление по-русийски” называть приватизацией?»⁶⁴. По существу, это тот кардинальный вопрос, который общество должно было задать реформаторам. Фундаментальное исследование С.П. Глинкиной приводит к категорически отрицательному ответу на этот вопрос. В своей монографии она приводит цифру, взятую из документов Счётной палаты РФ, – цифру, которая, по ее мнению, лишь одна красноречиво говорит о существовании российской приватизации больше, чем тома написанных книг: расходы на приватизацию в Ингушетии в 277 раз были выше, чем доходы от нее⁶⁵. Можно дополнить этот поразительный пример эффективности российских реформ еще одним, не столько экономическим, сколько социальным. В сентябре 2007 г. в Германии была заложена, а в июле 2009 г. спущена на воду новая 172-метровая девятипалубная яхта Р.А. Абрамовича, стоимостью 400 млн. долл. (с двумя взлётно-посадочными площадками, с вертолетами и ангарами для них, с подводной лодкой на 12 пассажиров и со многими прочими атрибутами вызывающей роскоши.).

Реформы 1990-х годов не только не достигли ни одной из тех магистральных целей, которые были поставлены после распада СССР – Россия еще не совсем демократическое государство, в ней нет пока гражданского общества, страна только провозгласила технологическую модернизацию, еще нет эффективной, конкурентоспособной экономики. Но теперь есть чудовищная пропасть между бесстыдной роскошью кучки богатых и позорной бедностью большинства населения, что является характерной чертой стран “третьего мира”.

Как же защититься от критики? Сакральная фраза “Могло быть хуже!” повторяется реформаторами и их апологетами уже так много лет, что превратилась в воинственное заклинание. “Могло быть хуже”, – по-видимому, то самое единственно возможное оправдание содеянного, которое во всех случаях справедливо, ибо всегда можно вообразить что-то ещё более страшное. Ведь человеческая фантазия, так же как и человеческие алчность, доверчивость, глупость, фанатизм, безграничны. Поэтому при любом исходе можно представить ситуацию, когда “могло быть хуже”. Но, обескровив свою страну, остановив её развитие объяснять населению, что могло быть ещё хуже – это все-таки перебор, это какое-то запредельное кощунство.

В чём выражалось это “хуже”? Начиная приватизацию, реформаторы широко декларировали ее необходимость в том, чтобы регулярно платить зарплату. Это было и убедительно, и очень серьезно: с трагическим ожиданием грозящей опасности в общественное сознание нагнеталась мысль, что вот-вот лишённые месячной зарплаты рабочие организуют уличные беспорядки, и в стране начнется хаос. Разумеется, постоянно эксплуатировался “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”. Многим эта опасность представлялась реальной. Но парадокс состоял в том, что массо-

⁶² Московский комсомолец, 08.VI.2005.

⁶³ Мир и политика, 2009, № 12, с. 30.

⁶⁴ Глинкина С.П. Указ. соч., с. 6.

⁶⁵ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. М., 2004. с. 63.

вые и повсеместные задержки заработной платы в России начались именно после приватизации.

В 1994–1996 гг. Россию захлестнула волна неплатежей зарплат, пенсий, пособий, денежных довольствий военным, детских пособий, стипендий и т.д. Тогдашний глава администрации президента Н.Д. Егоров 12 февраля 1996 г. сообщал в своей записке Ельцину, что “за один только 1995-й год просроченная задолженность, по выдаче бюджетных средств, в регионах выросла в четыре раза и составила астрономическую сумму в 13,6 трлн. рублей. Одной из основных причин задержек является прокручивание финансовых средств через коммерческие банки”⁶⁶. Сроки невыплаты заработной платы стали достигать 10 и более месяцев. В этот период исчезает казавшийся убедительным довод, оправдывающий срочность продажи предприятий острой необходимостью платить зарплату персоналу.

С этим широко используемым реформаторами в процессе приватизации аргументом связаны многочисленные курьезы: зарплату работающим переставали платить именно в тот самый момент, когда даже высокорентабельные предприятия переходили из государственной собственности в частную. Наиболее яркий пример – Волжский автозавод, прибыль от продажи продукции которого, пользующейся неизменным спросом, особенно на внутреннем рынке, через дилерскую сеть вроде “ЛогоВАЗа” Березовского сразу же уходила в зарубежные, в том числе и оффшорные, банки. К концу 1995 г. дилерские структуры задолжали заводу 1,2 млрд. долл. – более трети всего торгового оборота предприятия. Завод не мог не только выплачивать зарплату, но и платить налоги, оплачивать электроэнергию, не говоря уже о расходах на модернизацию. К 1996 г. автомобильный гигант, не имея абсолютно никаких трудностей со сбытом продукции, стал крупнейшим в России налоговым должником!

Проведенное Институтом социологии РАН совместно с “Российской газетой” исследование показало, что и через 10 лет после начала реформ принципиальных изменений в своевременности выплаты заработной платы не произошло. Если в декабре 1994 г. не полностью получивших зарплату был каждый четвертый, то в декабре 2005 г. таким был каждый шестой – седьмой работающий, что вызывает естественное недоумение после стольких лет реформ. Еще меньше изменилась средняя задолженность: с 6264 руб. она снизилась до 5563 руб.⁶⁷ Многочисленные задержки по выплате зарплаты в пореформенной России стали обычным явлением. Так, на 1 июля 2005 г. общая задолженность по выплате зарплаты в стране составила огромную сумму – 11,9 млрд. рублей⁶⁸. Задержки заработной платы – не столь уж редкое явление и сегодня, спустя 18 лет после начала реформ. Об этом нам постоянно сообщают средства массовой информации.

Реформаторы ставят себе в актив то, что благодаря их реформам в 1992–1993 гг. удалось избежать массового голода. Словосочетание “массовый голод” в России всегда звучит как набат, и его здесь воспринимают серьезно. Но этот аргумент очень напоминает заслуги газетчиков в организации солнечного затмения из “Записных книжек” И. Ильфа. В 1992 г. не было никакого товарного голода. Были пустые прилавки в государственной торговой сети. Но к этому явлению советские люди давно уже привыкли. Жители российского Нечерноземья адаптировались к пустым полкам в продовольственных магазинах задолго до распада СССР. В течение всего позднесоветского периода, предшествующего реформам, товарами деньги не обеспечивались, и, соответственно, товары все более стремительно уходили в тень. Распад СССР был вызван и сопровождался кризисом государственной социалистической экономики. Эта драма государственного управления описана многими авторами, в том числе и Гайдаром в

⁶⁶ Печенев В. Смутное время в новейшей истории России. 1985–2003. Исторические свидетельства и размышления участника событий. М., 2004, с. 138.

⁶⁷ Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России. М., 2007, с. 105.

⁶⁸ Краснов Л. Способна ли Россия развиваться быстрее и эффективнее? – Мир перемен, 2005, № 4, с. 48.

его книге “Гибель империи”⁶⁹. Но в нашей стране “государство” и “общество”, понятия, если не навсегда отчуждённые, то, по крайней мере, всегда далеко друг от друга отстоящие. Пустые продовольственные базы облизполкомов, как и пустые прилавки продуктовых магазинов – обыденная ситуация, возникшая в стране еще в хрущевский период “кукурузации” сельского хозяйства и ставшая повседневностью практически повсеместно с конца 1970-х годов.

Как только 2 января 1992 г. были отпущены цены, магазины наполнились достаточно широким ассортиментом продуктов питания. Откуда же взялись продукты? Может быть, кто-то из реформаторов за ночь успел привести в Россию эшелоны с продовольствием? Да нет, просто производители и торговцы, заранее зная об отпуске цен, придерживали товары до этого момента. «В течение трех-четырёх месяцев прилавки опустели, – напоминает академик Л.И. Абалкин, – а складские помещения и оптовые базы (в ожидании “свободы”) были переполнены государственными запасами. Такова правда, но почему-то никто не хочет писать об этом»⁷⁰. Не хотят, потому что это противоречит утверждению о том, что реформаторы спасли Россию от голода.

В последние недели 1991 г. российские СМИ пестрели сообщениями – то в одном месте, то в другом обнаружены очередные тайные хранилища (склады, контейнеры, рефрижераторы, грузовые вагоны, автотрейлеры и пр.), в которых были припрятаны те или иные продовольственные товары. Не было никакого товарного голода в России, но зато был могущественный теневой рынок. Подчёркивая заслуги реформаторов в отпуске цен, недавно об этом напомнил и Е.Г. Ясин: “Именно это Гайдар и сделал в первую очередь и прилавки магазинов, если кто не помнит, сразу начали наполняться”⁷¹.

Подчёркивая заслуги Гайдара в том, что он проявил смелость и отпустил цены, что позволило продуктовым магазинам наполнить прилавки, Ясин, конечно же, прав. Хотя, как было уже отмечено, отпуск цен – рутинная процедура в переходе к рынку. Но этот довод уничтожает все старания доказать, что реформаторы спасли Россию от голода.

Обойтись без голода удалось не благодаря Гайдару, Чубайсу и Коху, а благодаря характерному для русских мощному, можно сказать, даже беспримерному, инстинкту выживания. Население в нашей стране традиционно само кормит себя. Даже сегодня, спустя 18 лет после начала реформ, 90% (!) потребляемых овощей выращивается в личных и семейных хозяйствах граждан России. Эту цифру привела нынешний министр сельского хозяйства РФ Е.Б. Скрынник в своём интервью 12 января 2010 г. радиостанции “Эхо Москвы”.

Тогда же, в 1992–1993 гг. население России привычно вооружилось лопатами и мешками с семенным картофелем. Многим еще памятна картина, когда среди пассажиров пригородных поездов в те годы доминировали миллионы горожан, вынужденных работать на садовом участке (на знаменитых “шести сотках”⁷²), так как появившиеся после отпуска цен на прилавках в магазинах продукты питания были недоступны для значительной части населения страны. На московских и ленинградских вокзалах пассажиры прибывающих в эти города поездов, как пригородных, так и дальнего следования, везли или для себя, или для своих родственников и знакомых, произведённые в “частном секторе” продукты питания.

Ещё один парадокс экономических реформ заключается в том, что случаи массового голода были действительно зафиксированы в России, но только через четыре-пять лет после начала реформ, в том числе и широко известные в военных гарнизонах на Дальнем Востоке в 1996–1997 гг.

⁶⁹ Гайдар Е. Гибель империи, с. 352–361.

⁷⁰ Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. М., 2002, с. 211.

⁷¹ Московский комсомолец, 22.1.2010, с. 5.

⁷² Еще в 1979 г. приусадебные участки, занимавшие всего менее 3% сельхозземель, давали стране почти 60% картофеля, 35% овощей, 30% молока, почти 30% мяса и 33% яиц.

Помимо спасения страны от голода попутно можно упомянуть еще об одном предмете гордости российских реформаторов: в 1990-х годах Россия избежала гражданской войны. В своей книге “Гибель империи” Гайдар задаётся вопросом “Почему же гражданская война началась в Югославии, а не на территории бывшего СССР?” и отвечает так: “На этот вопрос точного ответа не знает никто”. При этом несколькими абзацами выше ответ всё же предлагается в его полемике с Э. Тоддом, который в своей монографии характеризует экономические реформы в России как “предельно жестокую и бесплодную либерализацию”⁷³. Оппонируя Э. Тодду, Гайдар определяет свои реформы как “мирный роспуск империи и экономическую либерализацию”, осуществленные руководителями России в 1990-х годах, взаимосвязанность которых не могут понять левые западные интеллектуалы, “прожившие жизнь в стабильных, демократических обществах”⁷⁴. Не споря с автором по поводу оценки таких достижений реформаторов как обеспечение взаимосвязи сравнительно “мирного роспуска империй” (если это заслуга, то она принадлежит М.С. Горбачёву) и, тем более, “экономической либерализации” (бесспорная заслуга Ельцина, Гайдара и Чубайса), следует все-таки указать на реальные причины отсутствия гражданской войны.

К началу реформ население России в значительной степени израсходовало свой социально-психологический заряд, или, по терминологии Л.Н. Гумилёва, свой ресурс пассионарности в 1988–1991 гг. – на свержение тоталитарного режима и приведение к власти Ельцина. Скоропалительная приватизация, и её итоги, застали общество, утратившее существенную часть своего протестного потенциала, врасплох. Для россиян экономические реформы 1990-х не были шоковой терапией, они были просто шоком. Люди внезапно обнаружили, в каком мире они очутились. Послешоковая всеобщая усталость и апатия – малопригодная основа для гражданской войны, опасность которой никогда не была сколько-нибудь реальной в 1990-е годы, ибо сами же россияне своими собственными руками создали эту власть. Даже ежемесячные задержки заработной платы, ставшие практически нормой после начала реформ, не смогли вывести на улицу людей, деморализованных происходящим. А ссылка на Балканы, и тем более на Югославию, совершенно недопустима. В отличие от Югославии Россия не была искусственным послевоенным новообразованием, соединением различных и примерно равных по численности дюжины этнических и конфессиональных групп⁷⁵. Как можно сравнивать созданный Антантой на руинах Австро-Венгерской империи в ноябре 1918 г. конгломерат народов в облике Королевства Сербии, Хорватии, Словении и Македонии, получивший затем название – Югославия, с тысячелетней державой, в которой русские составляли более 85% населения? Да и в исторической памяти россиян до сих пор еще свежи ужасы гражданской войны 1918–1921 гг. Иммунитет, приобретённый в тот трагический период нашей истории, еще долго не будет утрачен. При этом абстрактный характер этой пугающей перспективы подчёркивает её надуманность. Ведь на вопросы “кто и против кого?” до сих пор никто из оракулов гражданской войны не может ответить.

Поэтому заслуга реформаторов в том, что России удалось избежать гражданской войны, вполне соответствует их заслугам по спасению России от голода. Еще один парадокс экономических реформ заключается в том, что через три года после их начала российские руководители собственными усилиями все-таки организовали гражданскую войну. В этот формат вполне обоснованно укладывается 10-летняя война в Чечне, подлинные причины которой остаются тайными до сих пор.

Итак, все то, от чего должны были спасти Россию реформы, каким-то роковым образом происходило именно после реализации реформ.

---

⁷³ Todd Э. После империи. *Rax Americana* – начало конца. М., 2004, с. 175–176.

⁷⁴ Гайдар Е. Гибель империи, с. 420.

⁷⁵ В 1975 г. в Югославии сербов было – 36%, хорватов – 24%, остальные 40% составляли словенцы, македонцы, черногорцы, бошняки, косовары, албанцы и др. – Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т. 29. М., 1978, с. 566.

Впрочем, “предчувствие гражданской войны” было еще раз использовано в конце 1996 – начале 1997 г., когда результаты приватизации стали настолько очевидны, что в обществе все громче и громче начали раздаваться голоса о необходимости пересмотра ее итогов. Вот тогда в российских СМИ появились многочисленные и грозные предостережения о том, что новый передел собственности неизбежно приведет к гражданской войне. Таким образом, грозить гражданской войной пришлось дважды – и в начале приватизации, и после её окончания!

Существует часто высказываемое сторонниками реформ суждение, что экономические реформы сумели предотвратить распад России. Действительно, угроза распада нашему государству в какой-то момент действительно стала приобретать вполне реальные черты. Очередной парадокс заключается в том, что это произошло в конце 1990-х годов, т.е. через шесть-семь лет после начала реформ. Два весьма серьезных фактора – происходящий в стране хозяйственный беспредел и правящий, “лежа на боку”, президент Ельцин – настолько ослабили систему государственного управления, что, по существу, начался стихийный процесс распада страны, отчётливо проявившийся в сползании России от федеративного к конфедеративному устройству⁷⁶. В последние месяцы ельцинского правления роль государства в России практически не ощущалась. Это признают теперь даже сами реформаторы⁷⁷. А в августе 1998 г. российское государство официально объявило себя банкротом. Сохранение целостности России была первой сверхактуальной проблемой, с которой столкнулся в 2000 г. новый президент России. В.В. Путину пришлось ее срочно решать. Но проведенные в 1990-х годах реформы заложили такой мощный потенциал дезинтеграции нашего государства, что эта опасность не утратила реальных очертаний и сегодня.

---

⁷⁶Подробнее см.: *Симолян Р.Х.* Россия: от федерации к конфедерации? – Диалог, 1997, № 4.

⁷⁷См., например, *Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего.* М., 2007.